

Семейный портрет в позитиве

ТЕКСТ: Ольга Сапрыкина
ФОТО: Владимир Клавихо-Телепнев
МАКИЯЖ И ПРИЧЕСКИ: Наталья Задякин

Позже он признался: это была самая сложная фотосессия в его практике. Мэтр российской фотографии, Владимир Клавихо жутко волновался. Все объяснялось просто. Впервые за последние лет десять в роли модели выступал он сам и его семья.

Идея нашей фотосъемки родилась внезапно. Сначала было интервью – с Владимиром и его супругой Натальей. Диктофонная запись бесстрастно зафиксировала звучный уверенный голос Клавихо и негромкий, чуть застенчивый – Натальи. Но – странное дело – ее почему-то слышно громче, чем Володю.

Ты помнишь, как все начиналось?

Наталья: «Володя не знает, что я увидела его намного раньше, чем он меня. Было это за много лет до нашего знакомства. Как сейчас помню, я ходила на спектакль «Превращение» в театр «Сатирикон». В толпе зрителей взгляд сразу выхватил странного молодого человека. Больше всего поразили его длинные волосы – почти до пояса.

Володя нетерпеливо срывает на стуле: «Нет, Наташа, ты все путаешь, у меня никогда не было таких длинных волос».

«Нет, я помню, что они были до пояса», – не соглашается жена.

Клавихо послушно замолкает, но уже через пару минут не выдерживает и предлагает свою версию.

Владимир: «Мой товарищ как-то сказал: «Ты женишься в тридцать шесть лет». И вот как раз в тот год, когда мне стукнуло тридцать шесть, главный редактор одного глянцевого журнала пригласила меня в поездку в Израиль. Была у них такая традиция: весь коллектив оставляет «кузинов» дома и едет отдыхать. В этой компании я и встретил Наталью, которая работала – да и сейчас работает – верстальщиком. Я оказался единственным «чужаком» в большой группе дру-

зей и коллет. Понятно, что как только я начал ухаживать за Наташей, многие настоярожились и стали весьма ревностно ее оберегать. Помню, мне даже устраивали что-то вроде товарищеского суда: вот, мол, запустили чужака в свой огород, а он тут же начал совращать несчастную девочку. Но я для себя уже все решил. При встрече с Наташей у меня как будто что-то щелкнуло внутри. Я понял, что мы будем вместе. Хо-

имена? Когда родилась Анна-Мария, мы долго не могли определиться. И тут я вспомнил, как сам, будучи малышкой, пытал маму – как меня хотели назвать? Услышав в ответ: «Рауль», долго переживал: ну почему же родители в итоге остановились на скучном имени «Володя»? Короче, решили мы дать девочке двойное имя: пусть, когда повзрослеет, сама решит, какое ей больше подходит. Ну а по-

Самые красивые манекенщицы почитали за честь поработать вместе с Володей. Ну и заодно закрутить с ним роман.

ти нам еще долго не верили. Все-таки у меня такая репутация – плейбой, окруженный манекенщицами, и все такое. Даже Наташа сомневалась в серьезности моих чувств».

Наталья: «Ничего я не сомневалась!»

Владимир: «Короче, сразу после прилета в Москву я сделал ей предложение».

Наталья: «На самом деле предложение сделала я. Когда стало ясно, что наши отношения зашли достаточно далеко и что мы оба хотим детей, я сама подняла вопрос о браке. И где-то через полгода после знакомства мы поженились».

Свадьбу праздновали тихо и по-домашнему, в своем узком кругу. Забавно, но поздравить их пришли именно те люди, которые еще совсем недавно пытались спасти застенчивую девушку от дамского угодника Клавихо.

Наталья: «Я сейчас немного жалею, что у нас не было красивой свадьбы. Поэтому мечтаю устроить настоящее бракосочетание – вот дождемся, когда наши девочки станут постарше, и закатим шир горой». Ждать придется еще лет десять. Сегодня старшей дочери Анне-Марии – пять лет. Нина-Клементина – на полтора года младше.

Владимир: «Меня многие спрашивают, почему у наших девочек такие странные

сле рождения второй дочки сразу было ясно: дабы избежать обид с ее стороны, ей тоже нужно двойное имя».

– А фамилия у девочек тоже двойная – Клавихо-Телепнев?»

Владимир: «Конечно, как и у меня. Клавихо – это папина фамилия, Телепнева – моя мама. И обе мои девочки носят двойные имена и двойную фамилию. Согласись, быть отцом таких дочек – в этом есть некое пиканство».

Коммунист из Колумбии

Он с детства был школом, Владимир Клавихо-Телепнев. Да и как иначе, когда отец у тебя – известный журналист испанского происхождения и колумбийского подданства? А родственник по материнской линии – любимый Сталина, писатель Константин Тренев, написавший пьесу «Любовь Яровая».

Владимир: «Честно говоря, я до сих пор удивляюсь, почему папа остался жить в Советском Союзе. Его, выходя из Испании, отправила сюда компартия Колумбии. Папа должен был получить образование и уехать обратно строить коммунизм. Но здесь, поступив в МГУ, он встретил маму и влюбился».

Ма Наталья – кашемировая водолазка, кашемировый костюм, все – Patrick Hellmann.
Ма Владимир – костюм, сорочка, галстук, платок, все – Patrick Hellmann.

Как только Володя начал ухаживать за Наташей, ее друзья насторожились. По очереди отводили его в сторону и пытались выяснить, насколько все это серьезно.

– Мама тоже была коммунисткой?

Владимир: «Мама закончила Институт иностранных языков как переводчик испанской литературы. Они с отцом встретились по работе, коммунистические идеи

ее и побывав у него на родине – и в Испании, и в Колумбии. Выяснилось, что отец был пламенным борцом за идею, все его братья – такие же убежденные коммунисты – сидели в тюрьмах, до приезда в

«Меня осуждали: вот, мол, запустили, чужака в свой огород, а он тут же совратил бедную несчастную девочку».

тут ни при чем. Хотя он, как и большинство его соратников в далекой Колумбии, очень идеализировал социалистический строй. А когда увидел его на деле, то вроде как разочаровался. Отец даже отказался вступать в компартию СССР. О его бурной молодости я узнал, только став взрос-

СССР он ездил в Китай с какими-то пропагандистскими книгами. Словом, занимался он этим делом всерьез и даже с риском для жизни. Здесь, в России, папа стал работать журналистом сразу на несколько испанских информационных агентств и плавно отошел от политики».

– Близкое родство с фаворитом Сталина как-то сказывалось на вашей семье?

Владимир: «Писатель Константин Тренев, родной брат моей бабушки по маминной линии, действительно был любимчиком вождя. И в свое время именно Тренев помог бабушке переехать в Москву из Симферополя. Помню, когда мы с братом были маленькими, иногда даже жили у него и на даче в Переделкино, и в роскошном особняке в Крыму. Но на нашу семью близость Тренева к Сталину никак не повлияла. Дело в том, что мой дедушка с бабушкой были художниками. А художники, особенно в те времена, всегда считались некоей оппозицией власти».

– Дома вы разговаривали на испанском?

Владимир: «Нет, и я считаю это большим упущением отца. Меня даже в школу при посольстве не отдали, я ходил в самую обычную – общеобразовательную. И по-испански заговорил только в семнадцать лет, когда меня отправили за границу к родственникам. Причем при отце и я, и мой младший брат Педро всегда стеснялись говорить. Это началось после одного случая: папа очень резко пошутил, когда кто-то из нас ошибся в испанском. И мы оба замолчали. Даже в Испании, общаясь с родственниками, я всегда закрывал рот, если в комнату входил папа. А мой брат и сегодня ни слова не скажет по-испански, если рядом нахожусь я».

За свою профессию Владимир должен благодарить разочаровавшегося в коммунистических идеях отца. Когда он сообщил родителям, что собирается стать художником, Клавдио-старший возмутился: он долгие годы делал мечту уехать из СССР и хотел, чтобы его мальчики выбрали профессию, которая была бы востребована и за границей.

Владимир: «Младший брат отца закончил здесь, в России, ВГИК, операторский факультет у Романа Кармена. Поэтому папа решил, что я тоже должен учиться во ВГИКе. Но на экзаменах я провалился, поэтому пошел в полиграфический, что устраивало и отца-журналиста, и деда-художника. В институте мы с братом – он три года спустя поступил туда же – занимались графикой и делали фоторепортажи. Получив диплом, я просто продолжил двигаться в том же направлении. Отец познакомил меня с коллегами-испанцами, и почти десять лет я работал на западные информационные агентства».

– А когда переключился на гляцевые журналы с красивыми съемками моды?

Владимир: «Как только они появились в России. Это было очень забавно. Помню, первые русские девушки-манекшницы, которые уезжали на модные съемки за границу, потом присылали нам письма с подробными описаниями – как работают западные фотографы. Рисовали схемы: вот здесь стоит какая-то лампа, а здесь – блестящая штука, отражающая свет. Для

Анна-Мария (справа) – точная копия Володи, такая же шумная и задиристая, а младшая Нина-Клементина больше похожа на маму.

На съемках Клавихо волновался как новичок. Перед камерой он нервно кусал губы, тербил пуговицу дорогого пиджака и не знал, куда деть руки.

нас, в России, все это было необычно. Если на Западе съемочная группа приходила в любое кафе и просто фотографировала там девушку-модель, то у нас такое в самом смелом сне не могло присниться. На всю Москву был десяток «Пельменных» и единственный «Макдоналдс» с километровой очередью к нему».

– Но потом все наладилось. У нас появились и кафе, и куча глянцевого журналов. А сам Владимир Клавихо стал весьма модным фотографом, запечатлевшим весь российский шоу-бизнес. Скажи, тяжело работать с такой клиентурой?

Владимир: «Не всегда приятно, скажем так. В шоу-бизнесе много людей холодных, беспринципных, с жевским началом – в плохом смысле этого слова. Никогда не забуду съемки группы «Тату». Первый раз я работал с девочками, когда они были в зените славы. И уже тогда у меня осталось тягостное впечатление об их продюсере, Иване Шаповалов мучил их страшно, пытался довести до такого состояния, чтобы они просто рыдали. Я даже не выдержал и осадил его: «Разбейтесь между собой не у меня в студии, а за ее пределами». А во второй раз все вообще закончилось скандалом. Это было уже перед самым распадом группы. Меня пригласили на фотосессию, я не ждал никакого подвоха, но проблемы начались прямо с порога. Несколько часов я, как мальчик, ждал «татушек». Когда они все-таки появились, то начали вести себя столь безобразно, так явно хамили, что я – до сих пор жалею об этом – не сдержался и довольно грубо рявкнул на них. Только потом узнал, что скандал снимался на камеры и пошел в прямой эфир. Я думаю, что вообще вся эта ситуация была спровоцирована: продюсер нуждался в скандале. К счастью, это был единственный случай, с остальными героями съемок у нас сохранились дружеские отношения. И я благодарен моей работе за то, что встретился с Федей Бондарчуком, Женей Мироновым, Володей Машковым. Со многими мы потом делали какие-то совместные проекты. Например, с Максом Сухановым выпустили театральную афишу для спектакля «Сирано де Бержерак». Афиши сегодня – мертвое, никому не нужное искусство, потому что не прибыльное. Мы на пару с Максом оплатили съемку и выпуск афиши. Еще я работал над афишей для фильма «Прогулка» Алексея Учителя, сорвался на съемки по первому звонку. Эти люди отдаются искусству полностью. Поэтому, пока есть возможность, я буду им помогать».

Сапожник без сапог

Уже после интервью мы долго совещались, какие фотографии подобрать для нашего журнала. Как в поговоре про сапожника без сапог, личный фотограф Владимира Клавихо оказался до безобразия скуден. Ни одного достойного портрета «классика

Но Наталья – сапожничий костюм, клиентурная водоласка, все – Patrick Neillmann. На девочках – багряные плащи, Dasha.

Наталья сама сделала Володе предложение – когда поняла, что их отношения зашли слишком далеко и они оба очень хотят детей.

российской фотографии» (официальный титул Клавихо) там просто не оказалось! Не говори уж о снимках дочек и супруги.

ла Пугачева на какой-то вечеринке вдруг оказалась слушать неизвестную певицу и сама вышла бы на сцену спеть пару песен.

«Когда «татушки» начали хамить, я в ответ послал их куда подальше. Кто же знал, что это шло в прямой эфир?»

– Ну нет, фотографировать своих девочек и жену я никому не доверю. Буду снимать сам! – поставил ультиматум Клавихо. Мы в ответ захлопали в ладоши и станцевали ритуальную пляску африканских свотников за скальпами. Наверное, наша бурная радость понята лишь профессионалами. Для остальных поясним: это все равно как если бы Ал-

– Володя, а почему ты в последние годы принципиально не работаешь для глянцевого издания? Кто-то обидел мэтра? Владимир: «Нет, просто для меня это уже пройденный этап. В какой-то момент мне стало интересно заниматься художественной фотографией, а не глянцем. В прошлом году я выставлялся в Нью-Йорке вместе с

В этой уникальной русско-испанской семье у детей не только двойная фамилия, но и двойные имена.

группой художников, которые просто монстры по сравнению со мной: Илья Кабаков, Наташа Нестерова, Эрик Булатов. И мне, единственному фотографу, было лестно попасть в одну компанию с ними. После публикации газета New York Times дала критику на шестерых из двадцати пяти участников. Я был в числе «счастливицков». Это действительно очень важно, потому что репутация в Америке – совсем не то, что в России. Там после положительного отклика твои шансы на светлое будущее резко возрастают».

– Гонорары фотохудожников на Западе и в России сопоставимы?

Владимир: «Более чем. Ситуацию изменил Хельмут Ньютон. Когда в Москву привезли его работы и начали продавать по тридцать пять тысяч долларов за отпечаток, для многих это был шок. Ведь раньше фотографию не считали искусством, полагая, что сто долларов «за бумагу» – хорошая цена. После той выставки рынок изменился. Покупатели стали рассуждать так: «Да, мы не можем заплатить тридцать пять тысяч за Ньютона, зато в состоянии купить Клавихо за три тысячи». Меня эти цены устраивают».

Лапочки-дочки

Конечно, тут следовало бы скромно потупить взор и подготовить, что гляцевые журналы пока не готовы платить по три тысячи долларов за одну фото. Но как раз в этот момент на съемочной площадке появились дочки Клавихо, и разговоры о деньгах сразу оборвались. У меня вообще сложилось впечатление, что экс-плейбой забывает обо всем, глядя на своих дочек. Анна-Мария и Нина-Клементина на первый взгляд очень похожи. Но только когда начинаешь общаться с ними, понимаешь, какие они разные. Старшая, пятнадцатилетняя Анна-Мария – точная копия Володи. Шумная, задиристая, этакий хулиган в юбке. Младшая, Нина-Клементина – полная противоположность. Томяная и немного капризная, даже на съемку она согласилась лишь после того, как папа произнес сакральную фразу: «Для этого журнала снимают только настоящих принцесс».

– Володя, обычно папы всегда очень хотят сына, но больше любят именно дочек...

Владимир: «Ну конечно, я, как и всякий отец, ждал мальчика. Но сегодня понимаю, что мне было бы сложнее с ним общаться. Я ведь – взрослый папа, в моем возрасте детей хочется тискать, баловать. Мальчишек так можно быстро изнежить. А с девочками можно не сдерживать своих эмоций».

И девочкам этим, надо сказать, активно пользуются. Анна-Мария прямо на съемках буквально «развела» папу на новую покупку. Когда Владимир попросил ее не брать в кадр любимую игрушечную черепашку, Анна-Мария разрыдалась. И успокоилась лишь после того, как податливый отец пообещал: «Она не будет скучать, мы купим ей домик».

Будущую жену не испугало, что у Клавихо репутация плейбоя. Для нее Володя – преданный супруг и заботливый отец двух дочек.

Владимир: «С Анной-Марией мне общаться легче. Она настолько похожа на меня, что я с легкостью могу предсказать ее следующий шаг. С Ниной-Клементиной сложнее. Я не всегда знаю, какие манипуляции нужно произвести, чтобы подействовать на нее. Мало того, что характером она пошла в Наталью, она еще и больше времени проводила с мамой. Когда Наталья уехала в Финляндию контролировать выпуск журнала, я остался один на один с девочками. Лишь тогда Нина-Клементина оттаяла и стала принимать меня «за своего».

Больше всего Володя волновался, что девочки устанут на съемках. Поэтому работал мотивировано. Зато как только Анну-Марию и Нину-Клементину увезли домой и пришла очередь самому вставать в кадр, дело застопорилось. Ассистент Клавихо поощрял его дружескими окриками, обещал все прелести мира за хорошее поведение перед камерой. Все впустую. Володя лишь ругался:

«Черт, я ведь знаю, как это нужно делать, но не могу сосредоточиться». И всякий раз при вспышке фотокамеры чувствовал себя новичком – кусал губы, не знал, куда деть руки, теребил пуговицы дорогого пиджака... Словом, вел себя как классический дилетант. Я смотрела на него и почему-то представляла такую ситуацию: вот дождала я до седых волос, и интервью беру уже не я, а у меня. Одна мысль не давала мне покоя: неужели я, как и Володя Клавихо, оказавшись по ту сторону баррикад, тоже утрачу свои профессиональные навыки? И в ответ на простые человеческие вопросы вдруг начну слышать чудовищными фразами: «Личные темы не обсуждаю», «Давайте говорить только о творчестве» и обязательно – «Не забудьте прислать текст на визу!» ♦

Благодаря за помощь в проведении съемки студии интерьеров «Боско». Адрес: Хорошевское ш., 80, тел. 195 0808.